

А. Н. Пыпин о В. Ганке

Abstract:

Aksenova E.P. *A.N. Pypin about V. Hanka.*

The article reviews the attitude of the famous Russian scientist of the second half of XIX century, A.N. Pypin, toward an outstanding Czech public figure, V. Hanka, and his role in the national rebirth of the country and in the development of the idea of the Slavic reciprocity.

Ключевые слова: А. Н. Пыпин, В. Ганка, славянское возрождение, чешское национальное возрождение, славянская взаимность, панславизм, Краледворская и Зеленогорская рукописи, чешско-русские научные связи.

В 2011 г. отмечается 220-летие со дня рождения и 150-летие со дня смерти выдающегося деятеля чешского национального возрождения Вацлава (Вячеслава) Ганки (1791–1861). Его деятельность в общественной, научной и культурной сферах широко известна и являлась предметом многочисленных исследований как на родине Ганки, так и за ее пределами, в том числе в России. Ганка поддерживал связи со многими русскими учеными, литераторами и общественными деятелями, встречаясь с ними лично и ведя переписку¹. Он был избран членом-корреспондентом императорской Академии наук в С.-Петербурге. Ученый немало делал для популяризации русской культуры, с которой в Чехии были знакомы очень слабо и односторонне. С 1848 г. Ганка преподавал в Карловом университете старославянский и русский языки. В круг его общения в России входили лица, настроенные преимущественно славянофильски, но были и те, кто не разделял славянофильских взглядов. Среди последних можно назвать А. Н. Пыпина, видного русского ученого второй половины XIX в., слависта, сторонника позитивизма и культурно-исторического (точнее – общественно-исторического) направления в науке.

Александр Николаевич Пыпин (1833–1904) с большим уважением относился к В. Ганке и посвятил ему и его трудам многие страницы своих исследований, а в конце жизни – и воспоминаний, неизменно высоко оценивая деятельность чешского ученого, рассматривая ее в контексте эпохи национального возрождения. Славистическую подготовку А. Н. Пыпин начал получать во время учебы в Казанском университете у профессора-слависта В. И. Григоровича, затем продолжил в Петербургском университете у другого известного ученого-слависта И. И. Срезневского. Профессор не ограничивался чтением лекций, он организовал кружок, в который входили, наряду с Пыпиным, В. И. Ламанский и Д. Л. Мордовцев. Научные интересы Пыпина, по его собственному признанию, складывались в разных, но тесно связанных друг с другом направлениях, одним из которых была славянская литература². В начале 1850-х гг., когда Пыпин и его товарищи были студентами, специальных исследований по этому предмету насчитывалось немного, и, как вспоминал ученый, им хорошо были известны работы Востокова, Калайдовича, Строева,

Бодянского, Буслаева. Книги западнославянские были редки и их читали меньше, тем не менее, ученики Срезневского «хорошо знали имена Добровского, Шафарика, Копитара, Ганки, Палацкого, Коллара, Челяковского, Вука Караджича, Мацеевского; иногда прямо по рассказам Срезневского, который в своих путешествиях близко знал всех главнейших деятелей тогдашнего славянского возрождения»³. Следовательно, уже в студенческие годы Пыпин был наслышан о Ганке.

Окончив университет, Пыпин через несколько лет (в 1857 г.) защитил диссертацию и стал магистром русской словесности (его работа была удостоена половинной Демидовской премии). В университете предполагалось основать кафедру западноевропейских литератур, в связи с чем Пыпин был командирован в Европу для приготовления к профессорскому званию и занятию новой кафедры. В период своих зарубежных поездок (1858–1860) Пыпин дважды побывал в славянских землях, большую часть времени проводя в Праге (ноябрь 1858 г. – январь 1859 г., декабрь 1859 г. – январь 1860 г.) и изучая славянский мир. Это помогло ему углубить свой «интерес к литературе и общественному быту славянства»⁴. Пребывание в Праге Пыпин «употребил на то, чтобы освоиться ближе с чешским языком, литературой», пристальнее изучить славянское национальное движение, прежде всего – чешское⁵. И в этом неоценимую помощь оказал ему В. Ганка.

Приехав в Прагу, молодой русский ученый прежде всего посетил Чешский музей «в его тогдашнем скромном помещении на Коловратской улице, где имел также небольшую квартирку и главный библиотекарь музея Ганка. Этот библиотекарь бывал обыкновенно всегда на своем посту». Пыпин вспоминал, что его «жилище обставлено было очень скромно, и бережливость доходила до того, что он зажигал огонь только когда было совсем необходимо», – чаще всего по вечерам Пыпин заставлял хозяина квартиры «в полупотьмах»⁶.

Неприхотливостью в собственном быту объяснял Пыпин старания Ганки по устройству гостя. Пыпин намеревался «остаться в Праге довольно долго» и поселился в гостинице. Ганка взялся найти «“недорогую” комнату в “хорошем” чешском семействе» (имея в виду не только экономию средств Пыпина, но и возможность для него совершенствовать разговорный чешский язык). Через два-три дня комната была найдена, и они пошли смотреть ее. Видимо, Ганка ориентировался на такую же непритязательность молодого русского ученого, какой отличались его молодые чешские знакомые, жившие попросту бедно. Пыпин вспоминал позже, что «комната у “хороших” чехов была действительно недорогая, но оказалась такой патристической конурой, поселиться в которой я не решился. Ганка только удивился, почему я отказался поселиться у таких хороших людей?»⁷.

В Праге Пыпин познакомился лично со многими литературными и общественными деятелями, имена которых прежде знал лишь от Срезневского. В этом ему помог Ганка, который жил «интересами национального дела» и потому хотел ввести своего русского гостя «в круг патристических деятелей, познакомить со старыми и молодыми, быть может, еще ничего особенного не

совершившими, но обещающими совершить». Главным центром, где собирались патриоты, был клуб «Чешская беседа», куда Ганка ввел Пыпина. Другими «сборными пунктами» были музыкальные концерты и чешский театр. Позже Пыпин вспоминал: «Посещение чешского театра бывало почти патриотической обязанностью. Ганка, очевидно, считал своим долгом просвещать меня по чешским национальным делам, и билет для меня всегда был заранее взят в чешский театр рядом с его местом, в первых рядах...». В театре «давались частью бытовые пьесы, комедии... но давались и драмы и трагедии на темы из чешской истории...»⁸.

Пребывание в Праге, знакомство с лучшими представителями чешской интеллигенции побудили Пыпина поделиться впечатлениями с русской публикой – в результате в журнале «Современник» были опубликованы две его статьи под общим заглавием «Два месяца в Праге»⁹ (написанные в Берлине в феврале-марте 1859 г. после первого посещения Чехии). Они посвящены чешскому национальному возрождению. Среди деятелей этого движения Пыпин называет Ганку, внесшего вклад в изучение родного языка и издание древних рукописных памятников и имевшего обширные связи с учеными других стран¹⁰. Пыпин упоминает о том, что именно Ганка нашел знаменитую Краледворскую рукопись, изданную в 1819 г. и переведенную на другие языки, в том числе – на русский. Автор статьи сообщает также, что в Чешский музей, обладавший собранием древних рукописей и обширной библиотекой по славянским литературам (где библиотекарем был Ганка), анонимно прислали «Суд Любуши», относящийся предположительно к IX в. Пыпин не мог не отметить, что подлинность рукописей вызвала сомнение Й. Добровского, затем Е. Копитара и других ученых и привела к научной полемике¹¹ (заметим – довольно продолжительной). Однако сам Пыпин в то время безоговорочно верил в подлинность рукописей. Так, о «Суде Любуши» он писал: «Мы теперь нисколько не сомневаемся в памятнике, пользуемся им как драгоценным остатком славянской древности»¹².

В той же статье, говоря о развитии чешской национальной литературы, Пыпин подчеркивал ее народный характер, в том числе имея в виду тот факт, что многие ее представители вышли из народа, в том числе и Ганка¹³.

Через год после второго посещения Пыпиным Праги, 12 января 1861 г. умер Ганка. Пыпин сразу же откликнулся на это печальное событие и написал большой очерк о его жизни и деятельности¹⁴. Это не был обычный некролог с восхвалением покойного – автор постарался дать объективную и всестороннюю оценку деятельности Ганки. Очерк явился одним из первых исследований¹⁵ в русской историографии, посвященных видному деятелю чешского возрождения, из плеяды «видевших его начало и отдавших ему весь свой труд и всю силу патриотического стремления». Лично знавший Ганку и высоко ценивший деятельность чешского ученого, Пыпин писал: «Имя Ганки останется неразрывно связано с историей обновления чешской национальности, которое представляет один из главных фактов славянского движения нашего времени и так называемого панславизма». Несомненно «его нравственное влияние сре-

ди нескольких поколений молодежи, которую учил он славянским языкам и которой передавал свои славянские симпатии»¹⁶. При этом, подчеркивал Пыпин, любовь «к своей чешской родине соединялась у него всегда с любовью ко всему славянству», что нашло отражение в его усилиях в направлении «литературной взаимности славянских племен»¹⁷. Вместе с тем, существенной задачей деятельности чешского патриота была защита прав своего народа¹⁸.

В статье о Ганке Пыпин не ограничился изложением фактов его биографии, а дал краткий очерк развития чешского национального возрождения. Фигура Ганки представлена не как нечто обособленное, а как неотъемлемое звено общего национального процесса. Пыпин относит Ганку ко второму поколению чешских «будителей», на долю которого досталось расширить «национальное чувство до идеи о целом славянстве, сделать попытку к соединению всего славянского мира в одно нравственное целое...». Основным полем деятельности Ганки и других чешских патриотов оставалась литература как наиболее действенное «средство для развития национальных стремлений» и споров относительно общего славянского движения. Что касается неудачи революции 1848 г., Пыпин полагал, что «политическая деятельность требует людей другого рода», но большая заслуга литературной пропаганды «панславизма» состоит в том, что она способствовала выработке определенных «политических убеждений»¹⁹.

Биографию Ганки Пыпин представляет в основном в виде «литературных фактов», то есть в контексте его общественно-культурной деятельности. Еще в юности встреча с сербскими солдатами и знакомство с сербским языком заставили Ганку задуматься о славянских единоплеменниках. В годы учебы в Карловом университете он знал уже многие славянские языки. Он организовал там кружок защиты чешского языка, привлекая внимание не только студентов, но и пражской общественности. Ганка стал преподавателем чешского языка. В 1813 г. он едет в Вену изучать юридические науки. Он много пишет для основанной там же чешской газеты «Videnské listy». В том же году он познакомился с Й. Добровским, стал его учеником, у которого учитель находил большие способности к славянской лингвистике. Тогда же, утверждает Пыпин, Ганка понял «политический смысл своего дела; защита языка стала защитой народности»²⁰.

Вернувшись через год в Прагу, Ганка занялся литературно-научной деятельностью: писал стихи, песни, издал книжку о чешском правописании (1817), небольшое «Описание России и ее войска» (1815; написано на основе сведений, полученных от русских воинов, возвращавшихся из наполеоновского похода через Богемию домой)²¹. Ганку интересовал славянский мир. В 1817 г. он издал в переводе на чешский язык собрание сербских песен. В то же время, продолжая дело пробуждения собственной нации, он начал издание старинных чешских рукописей – «Starobylá skládání» (1817–1826. Т. 1–5), полагая, что новая литература нуждается в старинных памятниках как в опоре, как в связующей нити со своей древней историей²². В это время (1818 г.) Ганка открыл так называемую «Краледворскую рукопись» – сборник поэм и песен

XIII–XIV вв. (впервые опубликованную в Праге в следующем году). Не сомневаясь в подлинности открытия, Пыпин пишет, что сохранившиеся отрывки представляют «славные национальные предания», повествующие о героическом периоде истории чехов, о борьбе с немцами, поляками, монголами. В тексте выражалось твердое сознание национальной свободы. Это поддерживало у чехов стремление восстановить былую независимость народности²³. «Краледворскую рукопись» Ганка передал в только что открывшийся Чешский музей, первым библиотекарем которого он оставался до своей смерти²⁴.

«Ученая деятельность Ганки, – отмечал Пыпин, – не представила больших капитальных трудов», она выразилась во множестве небольших статей, исследований, изданий и переводов. Ганка участвовал в составлении словарей, грамматик, написал для народа «коротенький, но патриотический “Обзор чешской истории”», издал «Чешские исторические песни», а также «один из нравственных трактатов» Гуса, помогал Ф. Л. Челаковскому собирать славянские народные песни, опубликовал параллельно русский и чешский тексты «Слова о полку Игореве» (с предисловием на русском, чешском, сербском и польском языках – как пример литературного «панславизма»), предпринимал попытки создания общеславянского языка (в основе которого был бы русский) и алфавита («в котором к славянским буквам прибавлены еще новые выдуманные буквы»)²⁵. Во многих трудах Ганки говорилось о взаимной связи славянских литератур, которая должна была подготовить сближение славянских народов²⁶.

Как и прежде, Пыпин встает на сторону Ганки, выдержавшего «ожесточенные нападения» из-за рукописи «Суда Любуши», к которой, как с уверенностью утверждал Пыпин, тот «был непричастен». В научной полемике с одной стороны выступили Ф. Палацкий и П. Шафарик, защищавшие «памятник», с другой – Й. Добровский и Е. Копитар, доказывавшие его подложность (по мнению Добровского, автором мог быть Ганка или Юнгман – «слишком усердные патриоты»). Копитар усомнился также подлинности и «Краледворской рукописи»²⁷.

Пыпин не раз обращал внимание на русофильские взгляды Ганки, которые были присущи многим деятелям славянского возрождения. В России Ганка видел «ручательство за судьбу целого племени», то есть всего славянства, он до конца верил в мессианиззм России. Напоминая, что среди русских Ганка преимущественно общался с людьми «того оттенка мнений, который известен под именем славянофильского», Пыпин объяснял, что у него появились надежды, связанные с Россией, не всегда обоснованные, но «приятные патриотическому сердцу»²⁸.

Связи с Россией у Ганки были довольно обширные. Он переписывался со многими русскими деятелями. «Краледворская рукопись» была переведена в России сначала А. С. Шишковым (с которым Ганка вел длительную «переписку о словопроизводстве») в Петербурге, затем А. И. Соколовым в Казани, Н. В. Бергом в Москве. Пыпин напоминал, что Ганка предлагал усилить изучение славянства в России, для чего разработал план устройства славянских

кафедр в российских университетах. Другой его план касался основания славянской библиотеки при Российской академии – план был одобрен в верхах (1830 г.), Ганке предложили должность библиотекаря на хороших условиях, но он отказался покинуть Прагу. Пыпин не сомневается в том, что причиной отказа «был, конечно, патриотизм». За заслуги в области литературы и славянских древностей Ганка получил от русского правительства орден Владимира 4-й степени, от Российской академии в 1836 г. – большую золотую медаль²⁹.

В Праге, отмечал Пыпин, Ганка встречался с теми молодыми учеными из России, которые были командированы в славянские земли с тем, чтобы потом занять вновь образованные славянские кафедры (1835 г.) в университетах. Считая русских единственным сильным и свободным народом, способным продвинуть вперед дело славянского возрождения, а русский язык – средством для достижения славянской взаимности, Ганка полагал, что Российской академии стоило бы принять в свои члены представителей всех славянских народностей, которые занялись бы составлением словарей и грамматик своих языков, географических книг с местной, народной топографией. Все это, по мнению Ганки, пояснял Пыпин, должно было бы поднять объединительную («панславистическую») роль России и русского языка в процессе возрождения славянских народов³⁰. Пыпин отмечал также, что Ганка заботился о распространении русского языка среди чехов, переписывался со многими русскими и посылал книги в Россию. Это не нравилось части чешских патриотов и австрийской полиции, пристальное внимание обращавшей на «русские связи» Ганки (Пыпин приводит сведения о том, что и русские, посещавшие в Праге Ганку, – О. М. Бодянский, И. И. Срезневский, В. И. Григорович, Н. И. Надеждин, Ф. В. Чижов и др. – находились под наблюдением полиции)³¹.

Пыпин отразил в своей статье и участие Ганки в спорах о Реймском евангелии – древнем церковнославянском памятнике. Некоторые записи в нем убеждали Ганку в том, что этот памятник имеет отношение к древнему чешскому православию и доказывает религиозное единство чехов с восточными и южными славянами. История рукописи и ее характер, комментирует Пыпин, весьма загадочны; среди ученых не было единства: в то время как Ганка и Шафарик относили рукопись к XI в., Копитар и Миклошич склонялись к более позднему ее происхождению (XIV в.)³². Вскоре после того, как Ганка издал рукопись³³, русский филолог, академик П. С. Билярский³⁴ подверг ее строгой научной критике и выступил против защитников ее раннего происхождения.

Настал 1848 год, который, как отмечал Пыпин, потребовал «иной деятельности», нежели «литературное братство». Ганка принимал участие в подготовке славянского съезда в Праге, был среди основателей чешского политического клуба «Славянская липа», избравшего его своим «старостой». Но, как известно, съезд не закончил свою работу, «труды его остались без последствий», Чешский музей, где работал Ганка, был обстрелян и обыскан. Политической деятельностью Ганка заниматься не хотел (он был избран в венский сейм – рейхсрат, но отказался от депутатских полномочий) и сосредоточился на музейной работе и преподавании в университете³⁵.

В годы реакции, напоминал Пыпин, Ганка продолжал заниматься научной и публикаторской деятельностью – он нашел отрывки старых кириллических и глаголических рукописей и издал их в 1859 г. («Остатки славянского богослужения у чехов»). В последние годы жизни Ганки возобновилась полемика (в которой он, по словам Пыпина, не принимал участия) о «Суде Любуши» и «Краледворской рукописи». Пыпин считал, что цель полемики в данном случае была не научной, а политической – Ганку обвинили не только в подделках, но и в продаже отечественных памятников в Петербург, однако в ходе судебного разбирательства эти обвинения не были доказаны³⁶. Эта полемика, по утверждению Пыпина, подорвала силы и здоровье Ганки и ускорила его кончину³⁷.

Упомянув, что был лично знаком с Ганкой в последний период его жизни, Пыпин обращал внимание на некоторые черты, характеризующие Ганку с разных сторон, – и как ученого, и как человека. Автор очерка сообщал, что библиотека Ганки содержала самое большое и богатое собрание славянских книг, что он всегда был открыт для прямого общения с молодежью. Он очень любил и высоко ценил народные песни. Вечерами часы досуга часто проводил в чешском клубе «Беседа». Деятельность Ганки носила весьма разнообразный характер, что, по мнению Пыпина, «составляет вообще типическую черту того поколения славянских писателей, которым пришлось начинать народную литературу», – выпуск популярных книг, изучение и публикация старинных рукописей, археология, нумизматика, библиография и др. В дальнейшем многие сосредоточились на чем-то одном, главном, а Ганка продолжал заниматься всем, включая педагогику³⁸.

Пыпин не скрывал, что Ганка не любил немцев, однако не испытывал к ним ненависти – он лишь хотел, чтобы чешская народность имела такие же права, как и немецкая (в Австрийской империи). Его взгляд на славянский мир стал, по определению Пыпина, характерным и господствующим в чешской литературе. Надежда на Россию в решении славянского вопроса поддерживалась его искренней верой в «излияния славянского сочувствия, которыми переполняли его альбомы русские путешественники»; многие из них до свидания с Ганкой и не думали о славянах и потом вскоре забывали об их проблемах. А Ганка до конца верил в мессианиззм России, симпатии к которой поддерживали его исторические взгляды и сочувствие православию³⁹.

Отмечая, что Ганке не хватало эрудиции и специальных филологических знаний, Пыпин в то же время подчеркивал, что он «употребил весь свой труд для народного дела». Погребение выдающегося национального деятеля «походило на политическую демонстрацию». «В Праге одним честным патриотом стало меньше», – подвел печальный итог Пыпин⁴⁰. Набросав портрет Ганки, Пыпин в конце очерка добавил еще один штрих – он привел выдержки из последнего письма к нему Вацлава Ганки, который писал, что хотел бы найти у русских больше сочувствия к славянскому делу. «Не забывайте нас, – писал Ганка, – так же, как мы льнем к вам, – чтобы нас враги не поглотили»⁴¹.

Несколькими годами позже, в статье «Вопрос о национальности и панславизм» Пыпин, рассматривая проблемы славянского национального движения, вновь коснулся вопроса об общеславянской идее, вспомнив чешских деятелей, сторонников этой идеи, среди которых называет и Ганку⁴². В большой работе «Панславизм в прошлом и настоящем», написанной в 1878 г., Пыпин, обращаясь к периоду чешского национального возрождения, вновь вспоминает Ганку в ряду других деятелей науки, одушевленных идеей славянского единства, – это были «замечательные ученые силы, работавшие не только для своей народности, но и для самосознания целого славянства»⁴³.

В 1879–1881 гг. вышла двухтомная «История славянских литератур» А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича (которому принадлежали главы о польской литературе). Во втором томе, в главе, посвященной чехам и чешской литературе, Пыпин посвятил краткие очерки (напоминающие энциклопедические статьи) всем наиболее известным деятелям, внесшим вклад в развитие культуры и национального самосознания, в том числе и Ганке. На нескольких страницах в сжатой форме автор попытался представить жизненный и творческий путь видного деятеля чешского возрождения. Читатель узнает, что Ганка происходил из простого народа, был сыном «селянина». В доме отца бывали славянские торговцы и солдаты – от них мальчик научился разным славянским языкам. Затем учеба в гимназии и университете, занятия под руководством Й. Добровского (который высоко ценил способности ученика). Однако, констатировал Пыпин, ученого из Ганки не вышло, но он много сделал для поисков и публикации старинных памятников⁴⁴. Повторяя основные биографические вехи, отмеченные двумя десятилетиями ранее в очерке «Вячеслав Ганка», автор изменил отношение к некоторым опубликованным Ганкой рукописям, признавая под давлением неоспоримых научных фактов, что в пятитомном издании нашли место и поддельные произведения⁴⁵. Тем не менее, Пыпин еще не до конца уверен в этом, хотя и сообщает, что некоторые исследователи не сомневаются «в ревностном фальсификаторстве Ганки», но сам он смягчает это безапелляционное суждение, оговариваясь: «История подделок еще не разъяснена»⁴⁶. Пыпин усматривал источник «открытий» рукописей в чешском патриотизме, который искал «пищи для национальной гордости»⁴⁷. В любом случае, полагал Пыпин, польза от «находки» рукописей очевидна – они «оказали сильное действие на ход чешского возрождения», стимулировав изучение истории, литературы, языка⁴⁸.

Кроме деятельности на благо своей нации Ганка думал о единстве славян, он, по определению Пыпина, был «ревнитель славянской взаимности» и даже более того – самый «ревностный панславист». И хотя сторонники этой идеи «еще не отдавали себе ясного отчета», в чем должна состоять взаимность, «но считали необходимым, кроме ближайшего отечества – Чехии, напомнить о великом отечестве – Славянстве». Такое «отечество» предполагало «необходимость общего литературного языка», в качестве которого Ганка рассматривал русский, принявший «в себя славянские стихи», как язык «самого многочисленного и сильного славянского племени». Однако его русофильские «надеж-

ды на спасение Россией славянства» были сильно «преувеличенными» и не соответствовали ни «славянским настроениям» в обществе, ни «планам русской политики» в то время⁴⁹.

Прошло еще два десятилетия, и незадолго до смерти Пыпин в своих мемуарах вновь оживил воспоминания о Ганке, о своих встречах с ним в Праге, о той роли, которую он сыграл в национальном возрождении чешского народа в первой половине XIX в. К сожалению, Пыпин не успел закончить мемуары — они обрываются как раз на впечатлениях, полученных им в Праге. Поэтому вполне логично, что для завершения этой темы в первом издании «Мои заметки» (1910) в качестве приложений были использованы опубликованные ранее в «Современнике» его статьи «Два месяца в Праге» и «Вячеслав Ганка». Таким образом, и в начале XX в., по прошествии 50 лет после кончины В. Ганки, со страниц своих воспоминаний Пыпин вновь напомнил русскому обществу о значительном вкладе выдающегося деятеля чешского и общеславянского возрождения.

Примечания

¹ См.: Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель / Изд. В. А. Францев. Варшава, 1905; Письма к М. П. Погодину из славянских земель (1835–1861). М., 1879–1880. Вып. 1–3; Письма Вячеслава Ганки к О. М. Бодянскому / Сообщил А. А. Титов. М., 1887; и др.

² Пыпин А. Н. Мои заметки. Саратов, 1996. С. 112.

³ Там же. С. 112–113.

⁴ Пыпин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. СПб., 1881. Т. 2. С. IX.

⁵ А. Р. [Пыпин А. Н.] Два месяца в Праге // Современник. 1859. № 3. С. 127.

⁶ Пыпин А. Н. Мои заметки. С. 202, 205.

⁷ Там же. С. 204–205.

⁸ Там же. С. 202–203, 206.

⁹ А. Р. [Пыпин А. Н.] Два месяца в Праге // Современник. 1859. № 3–4.

¹⁰ Там же. № 3. С. 141.

¹¹ Там же. С. 137–138.

¹² Там же. С. 138–139. Позже он вспоминал: «Мы, недавние ученики Срезневского (впоследствии с немалым, но лукавым искусством защищавшего подобные подделки), в то время склонны были вполне верить в подлинность этой старины, но в немецко-австрийской литературе уже высказывались подозрения и обвинения...» (Пыпин А. Н. Мои заметки. С. 207).

¹³ А. Р. [Пыпин А. Н.] Два месяца в Праге. № 4. С. 354.

¹⁴ Пыпин А. Вячеслав Ганка // Современник. 1861. № 3. С. 1–40.

¹⁵ Вскоре после смерти В. Ганки вышло в свет несколько воспоминаний о нем: Срезневский И. И. Воспоминания о Ганке. СПб., 1861; Лавровский П. В. Воспоминание о Ганке и Шафарике. Харьков, 1861; Дубровский П. Воспоминания о Ганке // Отечественные записки. 1861. Т. 134.

¹⁶ Пыпин А. Вячеслав Ганка // Современник. 1861. № 3. С. 1.

¹⁷ Там же. С. 1–2.

¹⁸ Там же. С. 2.

¹⁹ Там же. С. 6.

²⁰ Там же. С. 8–9.

²¹ Там же. С. 11.

²² Там же. С. 11–12.

²³ Там же. С. 12–13.

²⁴ Там же. С. 14.

- ²⁵ Там же. С. 14–16.
²⁶ Там же. С. 19.
²⁷ Там же. С. 16–17.
²⁸ Там же. С. 20, 22, 38.
²⁹ Там же. С. 20–22, 36.
³⁰ Там же. С. 22–23.
³¹ Там же. С. 24.
³² Там же. С. 25–26.
³³ Ганка В. Сазаво-Эммаусское святое благовествование, ныне же Реймское. Прага, 1846.
³⁴ Билярский П. С. Судьбы церковного языка. Историко-филологические исследования. СПб., 1848. Вып. 2. О кирилловской части Реймского евангелия. 283 с.
³⁵ Пыпин А. Вячеслав Ганка. С. 27–28.
³⁶ Там же. С. 30.
³⁷ Там же. С. 39.
³⁸ Там же. С. 32–34.
³⁹ Там же. С. 34–35, 38.
⁴⁰ Там же. С. 39–40.
⁴¹ Там же. С. 40.
⁴² А- [Пыпин А. Н.] Вопрос о национальности и панславизм // Современник. 1864. № 2. С. 496.
⁴³ Пыпин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. (1878). СПб., 1913. С. 35.
⁴⁴ Пыпин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. СПб., 1881. Т. 2. С. 938.
⁴⁵ Там же. С. 939.
⁴⁶ Там же. С. 940.
⁴⁷ Там же. С. 932.
⁴⁸ Там же. С. 932–933.
⁴⁹ Там же. С. 939–940.